

Ни патриотизм, ни космополитизм

Достоинства патриотизма и космополитизма не абстрактны и, конечно, не универсальны. Мы живем в мире, который отличается крайним неравенством. В результате, наши возможности различаются в зависимости от социального положения, а последствия действий «граждан мира» весьма различны в зависимости от места и времени. Не будь «свадеш», Индия осталась бы британской колонией. Это больше соответствовало бы кантианской морали? И Ганди понимал это, а Тагор — нет.

У сильных — сильных политически, экономически, социально — есть возможность выбора между агрессивной враждебностью к слабым (ксенофобия) и великодушным принятием «различия». В любом случае они остаются привилегированными. Слабые — или, по крайней мере, более слабые — могут поправить (хотя бы частично) неблагоприятное положение, только настаивая на принципах группового равенства. Для этого им, вероятно, придется пробудить групповое сознание — национализм, этническое самоутверждение и т. д. Национализм Манделы в моральном отношении не был тождественен национализму африкандеров. Один был национализмом угнетенных (черных, угнетаемых белыми), стремящимся покончить с притеснениями. Другой начинался как национализм угнетенных (африкандеры, угнетаемые англоязычными), но развился в национализм угнетателей (апартеид).

Какова конкретная ситуация в Соединенных Штатах сегодня? В 1945 году Соединенные Штаты стали гегемонистской державой в мировой системе — самой сильной в экономическом, военном, политическом и даже культурном отношении наций. Ее официальная идеологическая линия была троякой: Америка — величайшая страна в мире (узкий национализм); Америка — лидер «свободного мира» (национализм богатых белых стран); Америка — защитница универсальных ценностей свободы личности и свободы возможностей (оправдываемых с точки зрения кантианских категорических императивов).

Правительство Соединенных Штатов и моральные авторитеты не видели особых трудностей в одновременном утверждении всех трех позиций, а большинство людей не видело здесь внутреннего противоречия. Но другие — по крайней мере, некоторые другие — видели в этом простое оправдание, легитимацию привилегий и доминирования Соединенных Штатов. Они часто

нападали на лицемерие американского кантианства, поддерживая национально-освободительные движения.

Мир изменился. Соединенные Штаты уже не так сильны, как прежде. Западная Европа и Япония догоняют Соединенные Штаты по экономическим показателям. И они отходят от них в политическом отношении. Внутри самих Соединенных Штатов выступления угнетенных групп стали носить «этнический» характер и обращаться к универсальным ценностям значительно реже, чем раньше. И в ответ на рост этноцентрических притязаний угнетенных групп защитники привилегий обратились к «объединительному» патриотизму.

Но ответом на этот эгоистический патриотизм не должен быть самодовольный космополитизм. Правильным ответом должна быть поддержка сил, готовых разрушить существующее неравенство и способствовать созданию более демократического, эгалитарного мира. Позиция «гражданина мира» глубоко двусмысленная. Она легко может быть использована как для сохранения, так и для отмены привилегий. Необходима куда более сложная позиция, которую можно было бы использовать для защиты прав группы слабых даже при изменении параметров борьбы на политической арене.

Что касается образования, то нам нужно знать не о том, что мы — граждане мира, а о том, что мы занимаем особые ниши в неравном мире и что беспристрастность и глобальность, с одной стороны, и отстаивание узких интересов — с другой, — это не противоположные, а сочетающиеся между собой сложным образом позиции. Одни сочетания желательны, другие — нет. Одни желательны здесь, но не там, сейчас, а не тогда. Узнав об этом, мы сможем лучше понять нашу социальную реальность.